КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. МОСКВА
Студия Спец. 8 - ОКТ 1976

В СТАРОМ ДОМЕ, В ТЕАТРЕ...

ЗАМЕТКИ ЗРИТЕЛЯ

ДОЛЖЕН предупредить: я не критик, а просто зритель. Так же менее и этот театр я влюблен безоглядно, безудержно, как мальчишка четырнадцати лет. Затащил меня как-то на окраину города, в Текстильщики, приятель. И ужаснулся: далеко, а где гарантия, что не пожалею о потерянном времени? Тем более, что театром приятель называл детскую студию.

Уже посмотрев несколько спектаклей, уже полюбив театр, я со всех сторон стал слышать восхищенные толки о нем, замечать в публике десяток почтенных деятелей театра и кино, критиков, драматургов и завсегдатаев премьер на ведущих столичных сценах.

...Теперь в Текстильщики ездить не надо. Театральная студия переехала в Краснопресненский район, на улицу Станкевича. И теперь актеры называются Московской молодежной театральной студией на Красной Пресне. Недавно Центральное телевидение показало большую передачу из этой студии. Однако — к делу. Что же такое этот театр?

В НЕМ ИГРАЮТ дети и уже не дети, но повзрослевшие бывшие дети, которые начинали заниматься в студии четыре года назад. Есть актеры, которым только семь лет, а есть — которым за двадцать. Они учатся в школах, профессионально-технических училищах, работают на предприятиях и в учреждениях, но мир их вращается вокруг театра, куда они приходят в приподнятом, возбужденном состоянии, когда жизнь кажется прекрасной, а все ее проблемы — пустяками...

В часы репетиций театр напоминает пчелиную коммуну, и вся семья, как и в природе, вращается вокруг молодого художника человека, всегда неспокойного, взведенного, куда-то стремящегося. Он размахивает руками или, наоборот, скрестив с силой их на груди, раскачивается взад-вперед на носках, и только танцующие желваки выдают его напряжение; или вдруг вскакивает на сцену и начинает показывать роль, или неожиданно выкрикивает только что придуманную остроумную реплику, а то захохочет после удачного эпизода или какой-нибудь находки.

ЭТОГО молодого человека зовут Вячеславом Спесивцевым. Раньше он играл в Театре на Таганке, а четыре года назад пришел главным режиссером в пионерский театр-студию. (Впрочем, главным? Единственным!).

Он говорит, что давно думал: каким должен быть театр для детей? Думал еще тогда, когда ходил на занятия в студию городского Дворца пионеров. С хорошим юмором, проигрывая в лицах, вспоминает он руководительницу студии, которая... ставила им отметки в журнале посещаемости и успеваемости и одновременно кушала яблочки. Он не раз спрашивал себя: почему в иных детских театрах детям скучно и они развлекаются чем угодно, только не зрелищем на сцене? Когда «Таганка» бывала на периферийных гастролях, он всегда ходил в детские театры и почти везде наблюдал эту вот реакцию «непослушания»: комерки, падающие на пол, шуршание конфетных бумажек, разговоры на любые темы, а то и бегство с опасной, потому что просто встать и уйти от скуки неудобно, — все-таки театр; и учительница вдруг припомнит...

Внезапно или постепенно, но пришел он к счастливой мысли: детский театр — это театр детей для детей, это общая игра, где в действие на сцене включаются сидящие в зале зверятники актеров.

В «Ромео и Джульетте» актеры, играющие клан Монтекки, обращаются к своей половине зала, Капулетти — к своей.

В «Празднике непослушания» (пьеса С. Михалкова) ребята на сцене выясняют у нас, сидящих в зале, надо ли устроить антракт. И когда мы голосуем «за» и поднимаемся, чтобы выйти, Змей вдруг весело кричит: «Обманули чудака на четыре куска! Сегодня ведь праздник непослушания!»

В молодежной студии все спектакли — сплошь движение. Прыжки, ужимки, танцы, беготня. Много музыки, пения, массовых сцен, иногда на сцене вы видите чуть ли не всю труппу. И если даже актеры просто сидят на полу, они обязательно подыгрывают, импровизируя хором или по отдельности.

Не вызывает удивления, что у Спесивцева дети талантливо играют. Играть талантливо — это в них, так сказать, «от бога». А он... он сумел организовать стихийную потребность играть. Он панически боится выделять в группе «звезд». Он всех хвалит и театр равняет. Принимает в студию он тоже всех детей, кто хочет, в любое время года. Предлагает кому-чему заниматься тем, к чему у него есть охота. Хочешь — пиши песни для декораций, хочешь — рисуй эскизы, шей костюмы, изобретай оборудование, режиссируй, играй на гитаре, пиши стихи и песенки. Ах, ты хочешь играть на сцене? Тогда он предлагает группе новеньких поставить маленькую пьесу. Например, про альпинистов. Нужна гора. Гору надо построить из стульев. Дает два десятка стульев. Стулья надо соединить так, чтобы по ним мог взобраться наверх человек к «горе» бы не развалилась. Они строят гору, придумывают, как соединить эти стулья, помогают друг другу, узнают друг друга, начинают дружить: малая постройка стул плохо — такой товарищ упадет!

Конечно, Спесивцев учит ребят профессиональным вещам: движению, мастерству, речи и т. д. Они танцуют, фехтуют, поют. Но он учит этому не на специальных уроках, как учили когда-то его, а в процессе работы над спектаклем, ибо, по его мнению, ничто так не убивает в детях интереса, как абстрактная задача на «потом».

В репертуаре студии немного спектаклей, но диапазон их содержания широк. От «Тимура и его команды» до «Ромео и Джульетты»

Конечно, пьесы Спесивцев подбирает такие, которые ребятам было бы интересно играть. Не понимать (современные дети многое понимают!), а именно играть, то есть жить жизнью героев. Стоит «Ромео и Джульетта» — настоящая трагедия, события которой захватывают так, как, быть может, ничто не захватывало и в жизни. Перед нами проходит несколько Ромео и несколько Джульетт. Но ничего из зрителей не приходит в недоумение, почему это в первой сцене Ромео был рыженький, а во второй — черненький? Каждый на нас был своей собственной жизни Ромео, каждая была Джульеттой, и каждому 14-летнему необыкновенно близки эти ужасно давно жившие молодые венцы.

Из этого театра зрители уходят всегда радостные. И дети, и взрослые. Нас наделили радостью. Нам дали ее щедрой рукой. Ах, какой это ценный дар в наше время!

В СТАРОМ, ничем не примечательном двухэтажном особняке находился клуб ЖЭКа. Этот особняк с лета отдан театральной студии. Судьба дома решилась в Краснопресненском райкоме партии и райкоме комсомола. Таким образом, краснопресненские комсомольцы стали единственными в столице обладателями собственного театра.

До позднего вечера жители соседних домов слушают сложную музыку из низа пил, ударов молотков, звона гитары, фортепиано, аккордов, молодых веселых голосов. В театре — стройка! Под ногами обрезки досок, цемент, кирпичи. Перепланируется крохотный, на сто мест, зрительный зальчик, ремонтируются бесконечные коридорчики, ниши, тупички, комнатки. Актеры, они же плотники, каменщики, штукатуры, спешат: скоро открытие сезона в новом старом доме. Как говорится, следите за афишами и спешите видеть.

А. ИВКИН.

Москва.

На снимке: финальная сцена спектакля «Праздник непослушания».

Фото В. ВЯТКИНА и В. ГРАНОВСКОГО (АПН).